

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-8

Парамонова С. П.

**ЛАГОЛОВО: ЖИЗНЕННЫЙ МИР ПЕТЕРБУРГСКОГО ПРИГОРОДА.**

**Размышления над книгой Е.А. Окладниковой «Социальная история птицефабрики "Лаголово" глазами местных жителей» (СПб.: Лесник-Принт, 2019. 454 с.)**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,  
Комсомольский пр., д. 29, г. Пермь 614990, Россия; *spp45@mail.ru*

**Аннотация.** Вышедшая в свет в этом году монография профессора кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доктора исторических наук Е.А. Окладниковой посвящена социальной истории одного из типичных феноменов социокультурной истории советского периода нашей страны – главного производственного комплекса одного из агрогородов ленинградской области, птицефабрики "Лаголово". Это исследование по этнографии советского периода, основанное на обширном материале этноархеологических источников по истории региона и документальных свидетельств "личной истории" тружеников, строивших эту птицефабрику, работавших в ее цехах, кормивших страну, завершавшую строительство социализма. Сквозь призму качественного социологического анализа автор монографии стремилась разглядеть смыслы "жизненного мира" строителей социализма, носителей идеалов социального оптимизма, ныне утраченного их потомками. История лаголовской птицефабрики представлена в монографии в событийном единстве с историей самопознания и самосознания человека советской эпохи. В силу того, что история самосознания человека советской эпохи еще не написана, монография Е.А. Окладниковой является заметным вкладом в это дело будущего.

**Ключевые слова:** этнография советского периода; социальная история; нарративные интервью; птицефабрика "Лаголово"; краеведение Ленинградской области.

**Для цитирования:** Парамонова С. П. Лаголово: жизненный мир петербургского пригорода. Размышления над книгой Е.А. Окладниковой «Социальная история птицефабрики "Лаголово" глазами местных жителей» (СПб.: Лесник-Принт, 2019. 454 с.) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 3. С. 73-83. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-8

**LAGOLOVO: THE LIFE WORLD OF ST.-PETERSBURG SUBURB.**

**S. P. Paramonova**

**Reflections on the book of E.A. Okladnikova "The social history of the Lagolovo poultry farm through the eyes of local residents" (St. Petersburg: Lesnik-Print, 2019. 454 p.)**

Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky prospect, Perm 614990, Russia; *spp45@mail.ru*

**Abstract.** The monograph published this year by the professor of the Department of Sociology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, Doctor of Historical Sciences E.A. Okladnikova, is dedicated to the social history of one of the typical phenomena of the sociocultural history of the Soviet period of our country – the main production complex of one of the agricultural towns of the Leningrad region, the Lagolovo poultry farm. This is a study on the ethnography of the Soviet period, based on extensive material from ethno-archaeological sources on the history of the region and documentary evidence on the "personal history" of the great workers who built this poultry farm, worked in its workshops, fed the country completing the construction of socialism. Through the prism of a qualitative sociological analysis, the author of the monograph sought to discern the meanings of the "life world" of the builders of socialism, the bearers of the ideals of social optimism, now lost by their descendants. The history of the Lagolovo poultry farm is presented in a monograph in event unity with the history of self-knowledge and self-awareness of a person of the Soviet era. Due to the fact that the history of self-awareness of a person of the Soviet era has not yet been written, the monograph by E.A. Okladnikova is a treasured contribution to this matter of the future.

**Keywords:** ethnography of the Soviet period; social history; narrative interviews; poultry farm "Lagolovo"; local history of the Leningrad region

**For citation:** S. P. Paramonova (2019), "Lagolovo: The Life World of St.-Petersburg suburb. Reflections on the book of E.A. Okladnikova "The social history of the Lagolovo poultry farm through the eyes of local residents" (St. Petersburg: Lesnik-Print, 2019. 454 p.)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 5 (3), 73-83 DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-3-0-8

Только раскрывая новую книгу Е.А. Окладниковой, давно и продуктивно работающей в междисциплинарном гуманитарном пространстве, трудно удержаться от аналогии. Подобно прославленной монографии Э. Ле Руа Ладюри (Ле Руа Ладюри, 2001), исследование Елены Алексеевны представляет собою обстоятельное историческое переоткрытие небольшого поселения, расположенного неподалеку от Санкт-Петербурга – с тех пор, когда и самого Петербурга еще не существовало. Впрочем, сходство здесь по преимуществу внешнее.

В социальной истории петербургского Лаголово Е.А. Окладникова опознает не столько строй повседневного мышления жителей, границы их *domus*'а или поведенческие стереотипы, сколько *социальное самосознание* – локальные самооценки и самоописания лаголовцев. Монографическую фабулу образует драма людей труда, культивировавших ценность «человеческого капитала», – и переживших его обесценение в стране, которая «куда-то делась». Это исследование советского, по преимуществу, социального локуса – жизненного

мира сотрудников птицефабрики, воссоздаваемое за счет мобилизации ресурса памяти. И в этом своем качестве монография Е.А. Окладниковой, на мой взгляд, уникальна.

В работе повсеместно применяются инструменты качественного социального анализа: эпистемология oral history, записи фокус-групп, материалы глубинных интервью и т.д. Исследовательский материал погружен в обширный эмпирический контекст, от документов этноархеологии до вновь документируемых источников эгоистории. Но везде дает себя знать личностно-теоретическая позиция Е.А. Окладниковой – ее готовность предпочесть драматическую аксиологию незавершенного жизненного мира лаголовцев, свидетельствовать о ней и комментировать ее теоретически, нежели отстраняться от нее в некоем совершенном, замкнутом в себе повествовании. Монография несколько не претендует на то, чтобы достичь «гладкого» микронарративного эффекта; сфера ценностей и оценок мира «производственников», напротив, потребовала макрометодологических инвектив и встречного понимания – обращения к теоретическим абстракциям высокого уровня.

#### **«Болотистая местность» (предыстория)**

Прежде чем приступить к исследованию современного Лаголово, Елена Алексеевна стратифицирует его историчность, «премодерн» поселения, ставшего со временем петербургским пригородом. Было ли это поселение исторически спонтанным, хаотичным миром все новых культурных общностей, или же – особенным «царством Садко»? Сохранялась ли в его истории верность себе – некоему архетипическому устройству, своим все повторяющимся, возобновляемым жизненным началам? «Лаголово», этимологически, – «болотистая местность», «лужа» (с. 33). Предыстория Лаголово – по случаю ли, по обстоятельствам иным, трудно исчислимым, – свидетельствует об «уплотнении» среды,

консолидации этой как будто зыбкой местности.

Более или менее отчетливыми контуры лаголовской жизни, как показывает книга, становятся в эпоху так называемой Ингерманландии, когда в пространстве поселения сходятся начала финской, шведской, а затем и русской культур. Выясняется, что территория Лаголово в начале XVIII в. до завоевания Ингерманландии Петром I принадлежала Швеции и была вполне автономной, «хуторской» (с. 37). На хуторах шведы селили финские семьи, которые платили правительственному наместнику Иоану Скальоте оброк согласно мере дохода их хозяйств. Петровские времена поначалу мало что изменили, разве прибавили беспокойства: в Северной войне жителей Лаголово удручали голодовки и грабежи как «чужих», так и «своих» (постой в селе одного полка петровской армии был опустошителен для крестьян: «сколько харчу ушло» и «обида учинены страшные»).

Со строительством Петербурга ингерманландское Лаголово из далекой экономической шведской провинции превратилось в подстоличную территорию. Это парадоксальным образом означало понижение социального статуса жителей – прикрепление к земле и включение в непривычные, нетрадиционные типы хозяйствования: добычу камня для строительства Петербурга, работу на лесоповале, проведение судов, строительство каналов, дорог, мостов, обеспечение подводами строительства. Рекрутская повинность на 25 лет была смягчена, ибо финны «слабы здоровьем и по-русски не разумеют»: крестьяне отбывали специальную, «дневную» рекрутскую повинность – обслуживали стрельбища в недалеком императорском Красном Селе, где несколько поколений русских императоров (от Павла I до Николая I) проводили испытания нового оружия. Из-за «стрельб ядрами в цель» в светлое время суток на учениях работать на полях и выпасать скот приходилось ночью (с. 46). От испытаний новых орудий загорались дома крестьян.

Шла потрава полей. На разрушенные дома селян Дворцовых дел канцелярией выделялись ссуды, но крестьяне «по безнадежности взыскания» выплатить не могли: «дома выстроены не соразмерно крестьянскому доходу». По решению волостного суда была составлена сочувственная реляция, по которой вполне, следуя анализу Е.А. Окладниковой, можно судить об исполнительской дисциплине финнов-лаголовцев: «Если долг взимать, то крестьяне окончательно разорятся» (с. 39), а обязанности, возложенные государством, они выполняли неукоснительно и исправно.

При этом финское начало культуры сохранялось: обучение шло на финском языке; грамоте финнов учил их пастор; грамотных венчали. Русским поселение становилось тем больше, чем сильнее оно втягивалось в межкультурные практики подстольной жизни.

#### Этос трудового рая

Резкой была перемена в жизни лаголовцев в ходе великой российской социальной революции XX в. Изменились этнополитические контексты и социальные статусы, но особенным образом усилилась морально-политическая детерминация трудовой деятельности. И труд, и капитал, и рынок, и вдохновение, – все черпало энергию в политике социальной справедливости (ср.: Болтански, Тевено, с. 300). Нарастало жизненное сплочение лаголовцев: на глазах одного поколения, пережившего Великую Отечественную войну, мир Лаголово изменился радикально, ощущалось становление элементов социальных благ. В монографии об этом свидетельствуют участники постепенного социалистического преобразования Лаголово: нарастание возможностей и практические шаги по получению жилья, строительству детских садов, налаживанию массового и добротного образования, вовлечению в различные практики творческой (художественной) самодеятельности, в целом, приобщение к культуре как некой

форме социального всеобщего и солидарности – всё это наполняло лаголовскую жизнь заметным благополучием, обретением устойчивых жизненных смыслов. Материалистичность этих смыслов не отменяла их морального достоинства, особенно для военного поколения, не наивного, не строившего иллюзий, знавшего, что «жизнь прожить – не поле перейти»<sup>1</sup>. Для этого поколения здравого смысла было очевидно, что социальная справедливость должна иметь практическое подкрепление; ощущение счастья, которым наполнялись сердца лаголовцев, было материалистично; но это было счастье на перспективу, своего рода нравственная уверенность в обеспечении трудом – закон социализма. Никто не думал об изгнании из «трудового рая». Это было счастье не столько обладания или распределения некоей собственности, сколько организации – предотвращения нравственно-организационных конфликтов, как рекомендовал это власти специалист в теории коммуникации Н. Луман (Луман, 2001)).

Проживая жизнь с лаголовцами – биографически реконструируя Лаголово как некую часть советской Атлантиды, общества, самосознание которого проникнуто трудовыми смыслами, «социализмом» как меняющейся реальностью, – Е.А. Окладникова уточняет историзм широко социального самосознания лаголовских жителей-работников. Характерно свидетельство *Александры Алексеевны Пруули*, птичницы: без механизации, организации труда и развития птицефабрики было бы Лаголово простой финской деревней.

Одна из сквозных ценных проблем монографии – проблема нравственного самопознания людей труда, впоследствии «изгнанных из трудового рая», почти достигнутого, осознанного как основная сфера жизнедеятельности личности.

С 1957 г. в Лаголово расцветает растениеводческий совхоз; план правительства –

<sup>1</sup> Во время Великой Отечественной Лаголово жил своей исторической судьбой: в оккупацию людей «угоняли» в Эстонию, Германию и Финляндию, а после войны все хотели вернуться в родные места и вернулись. Расчищали площади и погребали от трупов немецких и советских солдат, носили в Красное Село в парк.

превратить его в агрогород, птицеград. Поначалу были отстроены залы для напольного содержания птиц. И тяжелый ручной труд: ввоз и вывоз торфа с присыпанной пушкой и навозом, разноска кормов, подача воды, сбор яиц, промыв и дезинфекция залов перед новым завозом поголовья. Следующий этап – механизация: содержание кур в клетках, автоматизированная подача воды, сбор яиц с помощью транспортной ленты, постоянная выбраковка птицы. Трудный процесс развития, слитый в социальном самосознании лаголовцев с коллективностью организованного интенсивного тяжелого физического труда, как неизбежного этапа производства.

*Н.И. Тимофеева* отмечает: «Народ русский был тудяга! Была подкожная ответственность. Как можно было не пойти на работу? Кругом надо было восстанавливать всё, что разрушено войной, перебирать картофель, чтобы кормить город» (с. 135).

С 1959 г. – А.А. Пруули помнит это отчетливо! – Фабрика стала знаменитой, «мы гремели по району» (с. 139). Властный центр перемен, первый среди равных – директор Ю.В. Трусков. «Эрудированный»; «его у нас уважали». Но и среди других социально равных «усердие было в работе»; это и «мой уклад жизни».

Исследовательский вопрос – прямое сочувствие Е.А. Окладниковой лаголовской напряженной трудом реальности: «У Вас не было эмоционального выгорания на работе?» На вопрос получен неожиданный ответ: «Жизнь была счастливая. У меня счастье лилось через край. У меня было два взрослых сына».

Дети выросли в атмосфере напряженного труда родителей; работа была несомненным нравственным внутренним ритмом, оплотом законов социального бытия. А.А. Прууль дала сжатую оценку 50–60-х гг.: «Фабрика большая была... Сколько народу! Утром идешь, все дороги расчищены, корма везут, все пришли на рабочие места. Фабрика дышит, она работает. Год отработали, прибыль идет, кругом стройка, дома стоят, нам квартиру дают.

Это какое же было дело! Люди грамотные приходили». И укреплялась нравственно-организационная взаимность, солидарность, которая противопоставлялась социальному аутсайдерству. Алкоголиков «брали на поруки», «рабочие руки постоянно нужны были». «У меня был слесарь-“золотые руки”. Иногда попивал, приходилось его оберегать, припрятывать от начальства. Наутро придет подтянутый, благодарный. Иногда он меня выручал». «Усталость накопилась к тому моменту, когда я уже ждала пенсию». Но «я пошла на пенсию в 55 лет» – нравственно своевременно, выполнив свое социальное, жизненное задание. Усталость возобновилась в послесоветское время, усиливая ценностное переживание того, что было когда-то жизненным горизонтом: «Сейчас никто не борется с наркоманией, никто не борется с алкоголем. Все знают, где продают наркотики» (с. 143).

Этос «трудового рая», как это можно наблюдать, был этосом не только правильно организованной работы, но и миром благодарности общества – взаимного дара. Ценность дара в материальном контексте никогда не сводилась к ценности безличного владения собственностью, но внешне выражалась в некоей награде, «моральном вознаграждении»: праве выступить на собрании трудового коллектива, размещении портрета лучшего работника на Доске почета (что, к слову, переняли у нас управленцы американских предприятий). Близки к этому были долговременные, «пожизненные» формы наград: почетный знак, медаль, орден, звание Героя Социалистического Труда, чего удостоивались «лучшие из лучших». Существовали и гибридные, материально веские формы благодарности: награждение поездками по обмену опытом в социалистические страны (Болгарию, Югославию, Румынию, Чехословакию), ездили и в Финляндию. Было принято организовывать регулярные поездки на спектакли в Мариинский театр и Театр оперетты в Ленинграде – Санкт-Петербурге.

Различными были уровни и формы консолидированного социального благодеяния. Состоятельные семьи отправлялись с детьми на своем автомобиле отдыхать в Юрмалу. Люди социально замечали друг друга – в общем окоеме ценностей труда и воздаяния-дара. И власти, конечно, ценили передовиков производства. Любой человек был нужен обществу.

**«Лаголовская птицефабрика – это мое всё»**

**(лично-экономические измерения)**

Развивая концепцию К. Маркса о социально ограниченном характере капитализма, где исходной «клеткой» анализа является «товар», З.И. Файнбург (Пермская школа социологии) предположил, что исходной точкой анализа, «клеткой» социалистического общества становится не единичное «товар», а целое «коллектив». Структурообразующим в этой «клетке» является не экономическое, а социальное отношение. Предприятие в коллективистском обществе – центр жизнедеятельности личности (Файнбург, Козлова, 2013; Файнбург, Козлова, 1982).

Лаголовская работница *З.А. Курга* подтверждает это практически, в некотором рассуждении о «существовании» своей жизни:

«Для меня Лаголовская птицефабрика – это мое всё. Что такое всё? Это для меня значит следующее. Я приехала сюда в двенадцать лет. Я здесь начала работать. Я здесь училась работать, я здесь училась жить, училась познавать людей, училась где-то сдерживать эмоции, а также где-то бунтовать, спорить, не соглашаться. Училась славить фабрику, прославлять ее. Училась всему. Здесь я вышла замуж, здесь у меня родился ребенок. Здесь, на фабрике, в среде своих старших товарищей – фабрика была полна замечательными людьми – училась быть мамой, быть женой, хранительницей очага, училась строить свой дом. Я всё познала здесь, на птицефабрике» (с. 257).

Е.А. Окладникова рассмотрела лаголовскую социальную реальность многогранно: от уровня рядовых исполнителей и среднего линейного звена управления до руководителей предприятия, затем Птицепрома Ленобласти. Исследовательский круг проблем позволяет автору выявить смыслы рациональности социально ориентированного (социалистического) управления. Успешный директор птицефабрики «Лаголово», ставший со временем руководителем Птицепрома Ленинградской области, Ю.В. Трусов утверждает: «Я продолжаю считать, что советский принцип “Кто не работает, тот не ест” – это наиболее рациональный принцип. Рано или поздно к этому люди у нас в стране опять придут. Потому что то, что творится сегодня, – это путь в ад, в ад потребительского общества. Если верить в высший Разум, то можно сказать, что как-то там наверху помутнел этот высший Разум» (с. 239).

Лично-экономические измерения рационального управления птицефабрикой реконструируются автором из фрагментов свидетельств опрошенных лаголовцев. Крупнейшей фигурой из директоров лаголовцы определяют Ю.В. Трусова.

Легко заметить, что эта рациональность субординирована «стратегической линией» – установками политического («партийного») управления, которые проявляются при встрече Ю.В. Трусова с секретарем областного комитета КПСС П.В. Романовым в вопросах, на которые в этой беседе отвечает Трусов. Намеченная вертикаль «стратегической линии» реализуется в техническом развитии фабричного производства и активной социальной политике. При этом директор – не просто чиновник-функционер; в социалистической системе он управленец – «лидер внутри коллектива». Ю.В. Трусов замечает: «Государство требовало воспитывать в трудовых коллективах людей, которые не в ладах с законом», но «сильному коллективу такие не нужны» (с. 325). Изгнание недостойных? Скорее, борьба за общее достоинство, это –

борьба с «ворьём». Территориальное сплочение: принятие экстренных решений, без которых не могло обойтись стремительно развивающееся производство, наилучшим образом обеспечивалось тогда, когда все работники и директор жили близко к фабрике. Экстренно на очередной «оперативке» выяснялось: началась чума среди кур. 700 голов пришлось сжечь, но речь шла о спасении десятков тысяч, все, «стар и млад» поднялись на вакцинацию, в том числе директор и пенсионеры. Работали круглые сутки. И ни у кого не возникла мысль о доплатах-поощрениях. Сплоченность коллектива скреплялась пониманием, что «работа идет на наше единое государство». Директор птицефабрики вкладывал прибыль в строительство жилья, дома культуры, спортивного комплекса, школ, детского сада, в зоне инфраструктуры и транзитной доступности. Опора на «актив» – на лучших, наиболее деятельных, ценностно солидарных и профессионально сплоченных людей труда, именно на «костяк» – вот нравственный секрет успешной власти. «Если люди понимают цели и задачи общего дела, им нет смысла противиться решению руководителя». Следуя Л. Болтански и Л. Тевено, можно уточнить: «Люди являются великими, когда они достигают общего состояния, становятся *выразителями общей воли* и воплощают *общий интеллект*» (Болтански, Тевено, с. 294).

Такую рациональность, в которой «государство» выступает в качестве символической инстанции власти – инстанции ценностей, достоинство которых социально признано, – вполне можно представить в качестве реальности социалистической демократии, лично и экономически реальной (с. 336). Ценностные характеристики этой реальности, по Трусову, отчетливо заметны из фабричной истории:

«Прежде государство выделяло землю под строительство и поощряло его. Сейчас землю нужно купить. Необходимо оплачивать экологически охраняющие надзорные органы, это огромные расходы. Для

того чтобы строить, нужны крупные инженерные решения; это стоит дорого. Частник на такие расходы не пойдет, тем самым закрывается перспектива развития. Возможно, вероятно, интенсифицировать производство на прошлой базе, но и это распыляется из-за политики получения из-за рубежа готового возобновляемого продукта в обмен на невозобновляемый природный продукт: лес, газ, нефть» (с. 336) и т.д.

Весьма заметен и макроисторический компонент мотиваций фабричной жизни. Оценивая исторический путь России, в постановке вопроса о ее величии, Ю.В. Трусов, управленец с базовым инженерным образованием, находит возможным припомнить деятельность Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II – то, что ими было сделано «для России»; отмечает, что «Ленин сумел поменять ход истории», «Сталин создал Советскую империю», в основе которой лежат христианские принципы – на их основе были сформулированы десять заповедей строителей коммунизма, к эффективному подтверждению действенности которых можно отнести лаголовцев. «Разваливали Россию многие. Времена 1988, 1991 хуже, чем смутные. Это период Горбачева-Ельцина. С 1999 г., с эпохи Путина приостановлен распад России, ей грозило то, что случилось с СССР. Другие люди пришли к власти, они стали другие цели ставить. Почему в современной Российской Федерации пробудился принцип “любая работа за рубль” (?) Потому что люди поставлены в условия выживания» (с. 342).

Жизненный мир лаголовской птицефабрики был миром проживания в сфере открытого к творчеству труда, а это соединялось с инициативами исторического творчества, участия в жизни Лаголово, как это звучит в суждениях инженера Е.И. Гоберкорна: «Так получилось, что в 1972 году у нас тут на производстве возникла группа автоматики. Тогда был директором Юрий Васильевич Трусов. Он был моим учителем, моим наставником. Мне с учителями всегда везло очень. На него все равнялись. Это он настоял на том, чтобы организовать

эту группу. Мы всё время что-то придумывали, что-то изобретали... Дело в том, что в то время не было на фабрике ничего такого, что мы называем сейчас автоматикой на производстве. Ничего технического нам не давали. Надо было всё это выискывать. Постоянно из ничего нужно было сделать что-то. Мы всё время что-то придумывали. Деталей не было, мы всё время лазали по помойкам, вытаскивали детали, что-то там изобретали, придумывали... Было всё это интересно, зажигательно. Ребята были очень интересные. Все дружили. Ю.В. Трусов, надо отдать ему должное, он собрал дружный коллектив. У него тогда работало восемьсот человек. И он собрал дружный коллектив. Мы все были друг за друга. Было много молодежи, у нас было всё на фабрике» (с. 353-354).

Социальная сплоченность трудящихся лаголовцев оказывается поисковым и творческим единством, своего рода маркером свободного социального действия трудового коллектива; коллективность становилась сущностным, органическим элементом кооперации труда при возникновении его творческого содержания (Файнбург, Козлова, 2013, с. 135).

Проблема «начала» птицефабрики обозначена Е.И. Гоберкорном: «Фабрика создавалась из ничего. Начали строить фабрику, но поначалу она была в страшном состоянии. Когда Юрий Васильевич Трусов пришел в 1968 году, началось возрождение производственных мощностей. Тогда появился трудовой порыв. Мы все были в трудовой эйфории. Была радость творчества. Так, нужно было поставить счетчики на ленту конвейера. Пришла идея, мы придумали оригинальный способ: сделали самый простой датчик, который скользил по яйцам на ленте и считал не сами яйца, а провалы между ними. Эта идея пришла ни с того ни с сего... Делали мы этот счетчик из ничего. То, что валялось под руками, из того и мастерили. И точность у нашего прибора оказалась высокой... Представляете, из ничего сделать такое! И стояли наши копеечные счетчики» (с. 358).

После тридцатилетнего испытания РФ на устойчивость стало очевидно утраченное качество социально ориентированного общества. Инженеру Гоберкорну это было ясно в начале «перестройки» и «реформ».

«В 1991 г. завалили “ножками Буша”. Это же вопрос продовольственной независимости. Предложили фермерство. Но это – штучное производство, а мы кормили целую страну. Для получения прибыли нужен оборот. Нужны крупные предприятия, нужна сильная самостоятельная страна, каким был СССР. Возрождения птицефабрики “Лаголово” невозможно, нет той страны, которую она кормила. Потом правительство бросило нас. Выжили гиганты, как Синявинская фабрика, от остальных остались остовы. Переменился уклад: неимоверно выросли цены на корма, на электроэнергию, на воду, оборудование» (с. 360).

#### **«Страна куда-то делась!» (сквозь смуту)**

В главе 4. «Птицефабрика “Лаголово” в эпоху стагнации и социально-политических перемен» пересекаются несколько историй: интеллектуальная и политическая история большой страны, СССР, в которой на рубеже 80-90-х годов отразились и личные истории лаголовцев, вынужденных пережить тот стремительный смертельный исход, который был политически избран для большой страны и оправдан идеологически ослабевшей советской интеллектуальной элитой.

В политической и интеллектуальной истории всё сильнее давало себя знать дискуссионное начало – как будто ангажированная потребностями *всей* советской жизни и оттого жизненно опасная, абстрактно-идеологическая искренность. Обсуждалось «государство», которое «фактически консервировало отжившие формы производственных отношений, руководствуясь чисто идеологическими догмами» (с. 363). В средствах массовой информации спорили об идее рынка и различных типах рыночных отношений при социализме.

Экономисты Л.И. Абалкин, Г.Х. Попов, П.Г. Бунич и другие выступали за внедрение максимально широкой модели хозяйственного расчета на основе самофинансирования, самокупаемости и самоуправления предприятий. Такой тип экономических отношений должен был превратить предприятия в субъекты рыночной экономики, действующие на основе конкуренции и рыночных механизмов определения цен. Вместе с тем хозяевами предприятий должны были оставаться трудовые коллективы, что не вело бы к изменению социалистической формы собственности (с. 386). Не столько люди и их жизнь, сколько жизнь идей интересовали диспутантов и становились условием их отваги, яркой, но косвенной по отношению к той реальности, в которой они находились, и которая всё больше требовала практического мужества – несостоявшегося, размытого текущей современностью. Самая, пожалуй, радикальная, захватывающая идея того времени – массовое внедрение частной собственности, «приватизация», которая в *воображаемом* мире идей должна была гарантировать экономическую справедливость. Однако «по прошествии многих лет обнаруживается, что в основе баснословных богатств, накопленных в ходе приватизации, лежала откровенная манипуляция общественным мнением и параллельное присвоение, вопреки существующим законам или законам чести и достоинства, ресурсов, принадлежащих государству, а также гражданам, не ведавшим о том, как защитить свое право на них» (Черныш, с. 19).

Е.А. Окладникова описывает историю позднесоветского идеологического мышления, указывая на всесторонне проявившуюся «хитроумную» мысль о преобразовании страны по чужому идейному примеру: «Реформы конца 1990-х гг. осуществлялись по зарубежным рецептам руками отечественных сторонников западных либеральных ценностей. Западные ценности, активно пропагандируемые в годы перестройки, явно заменили к тому времени советские, особенно в высших и средних

общественных слоях. На это тоже были свои основания, возрастающие близость и контакты советского и западного общества. В Россию хлынул поток западных либеральных идей. Младореформаторы, действительно, были “агентами влияния”. Основными элементами проводимых реформ были: шоковая терапия, хорошо сравнимая с “ударом дубинкой по голове”, монетаризм, заимствованный из Чикагской школы экономики, приватизация государственного хозяйства и передача его в частные руки. Всё остальное можно рассматривать как производное от этих экономических преобразований» (с. 421).

Лаголовцы были куда большими реалистами: они не жили в воображаемом мире, не думали об откате в развитии общества. Они жили фактически: на месте совхоза «Лаголовский» был создан агрогород, образующим предприятием которого стала птицефабрика. Эпоха золотых пятилеток (VII–VIII пятилетки) – это расцвет фабрики. В 1980-х началась эпоха потребительской революции. Разорение после подъема социально-экономической жизни Лаголово произошло неожиданно. Никто из работников фабрики 1980-х – начала 1900-х гг. не мог понять, как в одночасье случилось то, что случилось: была страна, была работа, была стабильность, уверенность в завтрашнем дне, было градообразующее предприятие, и все рухнуло.

*Л. Чистякова:* «Страна куда-то делась!» (с. 448)

Каждое поколение любит время своей молодости, но созданная жителями Лаголово производственная мощь и организация коллективной социальной жизни – то, что называется историческим культуротворчеством, – до сих пор оставляет впечатление не столько идеологически безупречной, сколько памятной истории, как «Сказание о граде Китеже и Деве Февронии». Лаголовцы были и остаются в благодарной памяти со своим деятельным пережитым. Им нравилась трудовая и психологическая атмосфера в коллективе. С воодушевлением они вспоминают о прикосновениях к большой культуре, когда для них (как для

«шефов») были открыты двери всех театров Ленинграда, и фабричный автобус доставлял их на спектакли. Предметом гордости жителей агрогорода остается Лаголовский Дом культуры, общеобразовательная школа, парк, созданный старейшим работником птицефабрики «Лаголово» В.И. Базикаловым, – березы в этом парке и тополя на аллее, ведущей от жилых домов к фабрике. Сельскохозяйственный птицеводческий комплекс в Лаголово был примером сбережения природного ландшафта. СССР для коллектива был первым государством в мире, которое обеспечивало справедливость в оценке усердия, таланта и трудолюбия простого труженика. «Руководящая и направляющая работа партии» воспринималась поселенческой общностью положительно. Образ Ленина не потускнел и положительно представлен в их сознании. Сталину некоторые из респондентов не могут простить неоправданных репрессий, но большинство описывают его эпоху как время появления новых идеалов в массовом сознании, гордости за невиданные ранее успехи страны, создание мощной промышленности, за тот авторитет, который страна приобрела в мире. Главной заслугой лаголовцы считают победу в Великой Отечественной войне. Российский народ не был баловнем судьбы, но большая доля тяжелого ручного труда птичников была оценена государством. Страна знала своих Героев труда. Лаголовцы отмечены самыми высокими наградами Родины и знали о значении своего труда: стойко и беззаветно годами трудились на фабрике, кормившей не только расположенный рядом город, но весь Северо-Запад России. Инженеры и рабочие оказались готовы к решению самых трудных задач производства и самоуправления. Непременной была нравственная совместность: лаголовцы отмечают моральные и профессиональные качества директоров советского периода – «душевность» В.В. Широкова; «профессионализм и юмор» М.С. Михайлова; «интеллигентность, профессионализм, ум, справедливость и коммуникабельность» Ю.В. Трусова; «честность и принципиальность» В.А. Рачука; «организаторский талант и

справедливость» в управлении «железной леди» Л.Н. Соловьевой. На долю В.С. Лихачева выпали «трагические годы развала фабрики». Всё это было «преодолением отчуждения» – практической ценностью не замкнутых, не «индивидуализированных», оказавшихся коллективом совокупного работника (инженеров, птичников, трактористов, работников МСБ), в их образе жизни.

Феномен Лаголово исторически был структурирован идеей «светлого будущего», но это будущее мыслилось в некотором социальном окоеме производственных усилий.

Многие ценности советского прошлого стали для лаголовцев наиболее ощутимы в настоящем. Они сравнивают свой образ жизни в советскую эпоху и вынужденные поиски занятости в городе (особенно актуальные для современной лаголовской молодежи). Никто в Лаголово не был приучен к самовосхвалению, жизненному индивидуализму. В большинстве своем они не согласны с наступлением на труд как целесообразную деятельность коллектива, и есть общий тон социальных настроений лаголовцев, осуждающих чрезвычайную степень экономического эгоизма и социального расслоения (лаголовцы не могут не видеть, что агрогород сегодня производит продукции в сотни раз меньше, чем в советское время; видны и ближайшие контексты – остановившие в 1990-х производство заводы, которые преобразованы в коммерческие учреждения; фабрики и предприятия Санкт-Петербурга и Ленинградской области, превратившиеся в торгово-перевалочные базы и т.д.). Однако социальная закалка, здравомыслие, воспитанное той жизнью, которой они жили, позволяет сохранять некую инерцию жизненного оптимизма. Сегодня основная ценность и стоимость (актив) АО птицефабрики «Лаголово» – земля. Начиная с 2013 г., уже рассматривались заявки крупных бизнесменов из Москвы на перевод части земель под жилую застройку. Генплан развития территории поселения предусматривает новое большое строительство жилья и расширение промышленной зоны – на фабричных

площадях птицефабрики «Лаголово», ориентированной на продовольственные циклы (и создание соответствующих рабочих мест для местных жителей). В Доме культуры Лаголово жителям демонстрируют перспективный план развития поселения, на котором уже нет птицефабрики – лишь комплексы малоэтажных домов; единое предприятие, как центр жизнедеятельности, исключено, но согласно планам, через 10 лет в Лаголово будут жить и работать более 20 тыс. человек (с. 452).

\*\*\*

Монография Е.А. Окладниковой – познавательный кристалл социологического, сравнительно-исторического и этнографического анализа, сквозь призму которого оказались хорошо различимы исторические и насущные смыслы «жизненного мира» лаголовцев, личностно-экономические измерения их труда, нравственно-организационного и социального творчества. История лаголовской птицефабрики представлена в событийном единстве советской культуры – в контексте истории самосознания, отнюдь еще не написанной. Труд Елены Алексеевны – решительное, обстоятельное начало, заметный шаг в этом направлении.

### Литература

Болтански, Л., Тевено, Л. Критика и обоснование справедливости: очерки теории градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 576 с.

Луман, Н. Власть / пер. с нем., авт. послесл. А.Ю. Антоновского. М.: Практикс, 2001. 250 с.

Ле Руа Ладюри, Э. Монтайю, окситанская деревня (1294-1324) / Пер. с фр. В.А. Бабинцева и Я.Ю. Старцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 544 с.

Файнбург, З.И., Козлова, Г.П. Диалектическая логика политической экономии социализма. Саратов: изд-во Саратовского университета, 1982. 139 с.

Файнбург, З.И., Козлова, Г.П. Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность: мемориальное издание. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. 351 с.

Черныш, М.Ф. Современный марксизм в мировом и российском контекстах //

Социологические исследования. 2018. № 5. С. 15-25.

### References

Boltanski, L., Thévenot, L. (2013), *Kritika i opravdaniye spravedlivosti: ocherki teorii grada* [Criticism and justification of justice: essays on the theory of towns], New Literary Review, Moscow, Russia (in Russ.).

Luman, N. (2001), *Vlast' [Power]*, Praxis, Moscow, Russia (in Russ.).

Le Roy Ladurie, E. (2001) *Montayyu, oksitanskaya derevnya (1294-1324)* [Montaillou, Village Occitan de 1294 a 1324], Publishing House of the Ural University, Yekaterinburg, Russia (in Russ.).

Fainburg, Z. I. and Kozlova, G. P. (1982) *Dialekticheskaya logika politicheskoy ekonomii sotsializma* [The dialectical logic of the political economy of socialism], Saratov University Press, Saratov, Russia (in Russ.).

Fainburg, Z. I. and Kozlova, G. P. (2013) *Kollektivistskoye obshchestvo. Ideal. Teoriya. Real'nost': memorial'noye izdaniye* [Collectivist society. Ideal. Theory. Reality: Memorial Edition], Publishing House of Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia (in Russ.).

Chernysh, M. F. (2018) Marxism in the global and Russian contexts, *Sociological Studies*, 5, 15-25 (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.*

*Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

### ОБ АВТОРЕ:

**Парамонова Светлана Павловна**, доктор философских наук, профессор, кафедра социологии и политологии, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Комсомольский пр., д. 29, г. Пермь 614990, Россия; [spp45@mail.ru](mailto:spp45@mail.ru)

### ABOUT THE AUTHOR:

**Svetlana P. Paramonova**, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Sociology and Political Science, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky prospect, Perm 614990, Russia; [spp45@mail.ru](mailto:spp45@mail.ru)